

UNITED WISDOM

По гребню холма: зачем человеку наука и духовность

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

UW-AUTHOR-PO-GREBNU-HOLMA-20261004 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

По гребню холма: зачем человеку наука и духовность

Эпиграф

> *«Она написана на языке математики».*

Галилео Галилей — о книге мироздания. «Пробирных дел мастер» (Il Saggiatore), §6, 1623. Перевод редакции с итальянского. Первоисточник.

О чём эта статья

Мы умеем описывать мир числами: рассчитывать движение, изучать вещество, находить закономерности в поведении. Даже чувства становятся предметом исследования. И всё же в человеческой жизни остаются вопросы, для которых одного объяснения недостаточно. Что сохраняет смысл после утраты? Почему переживание тишины, молитвы или связи с другими людьми иногда меняет отношение к жизни? Как уважать такой опыт, сохраняя способность сомневаться?

Мне близок образ человека, идущего по гребню холма. Оттуда видны обе стороны: устройство мира и глубина его переживания. Когда одна перспектива начинает заслонять другую, панорама сужается. Эта статья — о возможности удерживать равновесие между научной честностью и духовной открытостью. О различии между фактом, личным свидетельством и верой. И о том, как искать внутреннюю опору, сохраняя право проверять собственные выводы, уважать чужой выбор и пересматривать то, что прежде казалось окончательным.

I. Мир на языке математики

Математика позволяет замечать порядок, который трудно увидеть невооружённым глазом. За падением камня, движением небесного тела или колебанием струны можно искать отношения величин. В таком описании отдельное событие становится частью закономерности. Мы получаем возможность сравнивать, рассчитывать и проверять ожидания.

В «Пробирных дел мастере» Галилей представляет вселенную как огромную книгу, для чтения которой требуется математический язык. В приведённом эпиграфе речь идёт именно об этой книге. Его образ выражает доверие к возможности исследовать природу и учиться понимать её устройство. Галилей, §6.

Спустя столетия физик Юджин Вигнер в эссе 1960 года размышлял о необычной эффективности математики в естественных науках. Его занимало, почему математические понятия оказываются столь продуктивными для физических теорий. Даже успешное объяснение мира оставляет повод удивляться самой возможности его понимать. Вигнер, оригинальная публикация.

Есть особое удовольствие в том, что мир оказывается понятнее. Расчёт избавляет от необходимости гадать там, где можно узнать. Человек, проверяющий нагрузку на конструкцию, не становится менее чувствительным к красоте здания. Напротив, понимание устройства может открыть ему ещё одну сторону красоты: связь формы, материала и замысла.

Но научная ясность требует аккуратности. Формула действует при определённых условиях; измерение имеет границы; объяснение можно уточнять. Уверенность в конкретном результате не превращается автоматически в уверенность, что всё существенное уже объяснено. Между «мы нашли закономерность» и «за пределами этой закономерности нечего понимать» лежит дополнительный шаг, который сам нуждается в обосновании.

Поэтому научная сторона равновесия начинается со способности различать знание и его расширительное толкование. Полезно доверять тому, что выдержало проверку. Полезно также видеть, где проверка заканчивается и начинается наше желание получить завершённую картину. Незавершённость исследования не унижает науку: она сохраняет пространство для следующего вопроса.

II. Что можно измерить в чувствах

Чувства принадлежат живому человеку, у которого есть тело, память, отношения и обстоятельства. Их телесную сторону можно исследовать, не отрицая личного значения переживания. Трудность возникает, когда измеренное свойство начинают принимать за исчерпывающее описание человека.

В работе Lauri Nummenmaa и коллег, опубликованной онлайн в 2013 году и вышедшей в выпуске PNAS 2014 года, 701 участник в пяти экспериментах отмечал на силуэтах тела области усиления или ослабления ощущаемой активности. Разные эмоции были связаны с различимыми картами ощущений; между исследованными западноевропейскими и тайваньской выборками обнаруживалось согласование. Это были самоотчёты, а не непосредственное измерение гормонов. Результат не даёт химического кода любви и не исчерпывает эмоциональный опыт. Bodily maps of emotions.

Представим человека, которому предстоит важный разговор. Он замечает напряжение в плечах, учащённое дыхание, желание отложить встречу. Описание этих ощущений

полезно. Однако оно ещё не сообщает, почему именно этот разговор для него важен. Он боится потерять отношения? Сказать правду? Услышать отказ? Похожие ощущения могут сопровождать разные жизненные ситуации.

Чтобы понять происходящее, приходится соединять несколько уровней: телесное состояние, содержание мыслей, историю отношений, действительные условия разговора. Одно измерение не отменяет остальные. Слова самого человека остаются частью материала, который требуется понять, хотя его объяснение собственных чувств тоже может быть неполным.

То же относится к любви. Можно изучать связанные с ней процессы, поведение и обстоятельства. Но обещание, данное другому человеку, нельзя оценить только по состоянию тела в момент обещания. Возникают вопросы доверия, памяти, ответственности, выбора. Они сохраняют значение независимо от того, насколько подробно исследован их биологический фон.

Человек не становится менее реальным, когда его можно измерить. И не становится полностью понятным только потому, что измерение состоялось. Для широты взгляда нужны обе способности: замечать наблюдаемые процессы и слушать, что они означают в конкретной жизни. Ошибка начинается там, где один язык запрещает пользоваться другим.

III. Объяснение и смысл

Объяснение помогает понять, каким образом событие стало возможным. Смысл связан с тем, какое место оно занимает в жизни и чего человек хочет придерживаться дальше. Эти вопросы могут взаимодействовать, но ответ на один не всегда завершает другой.

Представим человека после утраты близкого. Он может знать обстоятельства случившегося и понимать, что ничего уже нельзя изменить. При этом утром ему всё равно предстоит войти в кухню, где привычное место пустует. Знание причин не отвечает автоматически, как теперь устроить день, к кому обратиться, что сохранить из общей жизни. Это условная сцена, а не история конкретного участника или описание единственного способа переживать утрату.

Сводить такую ситуацию к поражению науки было бы неверно. Исследование человеческой жизни включает вопросы отношений, ценностей и переживания; научное знание может быть полезно и здесь. Однако знание, даже точное, не проживает день вместо человека. Между пониманием закономерности и собственным отношением к случившемуся остаётся работа, которую нельзя выполнить одной справкой.

Это видно и без тяжёлых обстоятельств. Допустим, человек выбирает между двумя занятиями. Он сравнивает доход, время, риск, доступные ресурсы. Такой расчёт необходим для ясности. Затем он замечает, что одна возможность предполагает поступиться обещанием, а другая — отказаться от привычного одобрения. Таблица помогает увидеть последствия, но критерий выбора требуется осмыслить отдельно.

Здесь полезно различать три вопроса. Что произошло? Что я переживаю? Как я понимаю значение этого события? В первом случае особенно важны проверяемые сведения. Во втором — внимательное описание опыта. В третьем — ценности, основания суждения и готовность рассматривать альтернативы. Ответы могут уточнять друг друга, сохраняя различие своих задач.

Потребность в смысле не доказывает существования сверхъестественного. Она показывает, что человеку приходится определять отношение к собственной жизни. Можно искать это отношение в религиозной вере, философии, творчестве, заботе о других. Важен сам переход: от знания о происходящем к вопросу о том, как присутствовать в нём и что считать достойным продолжения.

IV. Разные языки духовности

Под духовностью здесь понимается внимание к смыслу, совести, внутренней жизни и связи с тем, что человек считает большим, чем его непосредственный интерес. Это рабочее значение для статьи. Оно не объединяет все религии в одну систему и не обязывает читателя называть собственный опыт духовным.

У Августина в книге X «Исповеди» исследование памяти и внутренней жизни становится частью обращения к Богу. За вопросом о собственных воспоминаниях возникает вопрос о том, кого он ищет и любит. Внутренний поиск здесь включён в христианское понимание отношений человека с Богом. Августин, книга X, перевод E. B. Pusey.

В главе VI «Бхагавадгиты», в наставлении, соответствующем стихам 6.16–17, Кришна связывает йогическую практику с умеренностью в еде, сне и повседневной деятельности. В этой духовной дисциплине можно увидеть важную для нашего рассуждения связь внутренней практики с обычной жизнью: внимание к предельным вопросам соседствует с вниманием к тому, как проходит день. The Song Celestial, историческая версия Edwin Arnold.

Первая глава «Дао дэ цзин» обращает внимание на пределы именования: выраженное и названное Дао не следует просто отождествлять с постоянным Дао. Это иной язык, чем обращение Августина к личному Богу. Его можно прочесть как приглашение к осторожности перед завершёнными описаниями, сохраняя собственный контекст текста. Перевод James Legge.

Сопоставление этих работ открывает несколько путей внутреннего внимания. Мне важна возможность услышать эти голоса рядом, сохраняя различия между ними. В дальнейшем их связи будут авторским прочтением: научные результаты, философские доводы и положения веры сохраняют собственные основания. Это позволяет исследовать сходство, не выдавая его за общее учение.

Духовность также нельзя заранее объявить более глубокой, чем светская жизнь. Глубина зависит от серьёзности внимания, честности и отношения к другим людям. Религиозные слова могут выражать существенный опыт, а могут оставаться привычными формулами. Человек без религиозной веры способен задавать предельные вопросы и жить осмысленно. Право на такой выбор входит в равновесие, о котором идёт речь.

V. Когда переживание меняет жизнь

Личное свидетельство заслуживает внимания даже тогда, когда его нельзя превратить в универсальное доказательство. Оно сообщает, как человек понимает собственную перемену. Для читателя важно одновременно услышать рассказ и сохранить различие между пережитым событием и его объяснением.

В «Исповеди» Лев Толстой описывает кризис, при котором привычные ответы больше не давали опоры. В главе VIII он замечает, как тесен был круг людей, чью жизнь он принимал во внимание. За его пределами оставались работающие и верующие люди, которые продолжали жить. Обратившись к ним, он стал иначе направлять собственное размышление. В главе XII возвращение силы жизни описано как постепенное: автор не может назвать один точный момент поворота. Это личное свидетельство о перемене, которую он связывает с верой и новым вниманием к жизни. Толстой, «Исповедь», ПСС, том 23.

Для нашей темы здесь существенно расширение внимания: прежняя картина перестаёт вмещать жизнь, и человеку приходится увидеть то, что оставалось на периферии.

Духовная опора может быть важна именно в таком повороте. Она даёт человеку язык, на котором можно говорить о доверии, надежде, благодарности и собственной связи с другими. Для верующего это может быть возможность обратиться к Богу, когда ответа ещё нет; для другого — переживание принадлежности к жизни, которая шире его нынешнего состояния. Такая опора способна помочь выдерживать открытый вопрос, продолжая жить и действовать. Её глубина ощущается близко: в возможности снова отвечать на чужую заботу, видеть ценность дня, присутствовать в отношениях. Это предлагаемое авторское понимание её роли; собственные слова и формы опоры человек выбирает сам.

Подобную перемену можно обсуждать и в менее драматическом масштабе. Представим, что человек привык оценивать день только по выполненным задачам. Затем разговор, прогулка или участие в чужой заботе дают ему опыт ценности, которую трудно выразить показателем производительности. Он решает изменить расписание. Само изменение можно наблюдать; окончательное объяснение того, почему этот момент оказался важным, может оставаться открытым.

Особенно осторожно следует говорить о тяжёлом опыте. Страдание не обязано давать урок, облагораживать или вести к духовному повороту. Человек вправе не находить возвышенного смысла в случившемся. Если такой смысл появился, он принадлежит его дальнейшей работе с жизнью; его нельзя навязать извне и предъявить как правильный итог чужой боли.

Поэтому уважение к свидетельству предполагает отсутствие спешки. Можно признать, что опыт изменил человека, не требуя от него доказать каждую деталь переживания. И можно сохранить вопросы к его толкованию, не отнимая у него достоинства. Эти два действия совместимы: внимательное слушание не означает отказа от самостоятельного суждения.

VI. Духовный опыт как предмет исследования

Наука может исследовать духовные переживания: изучать рассказы о них, обстоятельства, связанные состояния и последующие изменения. Сам факт такого исследования уже показывает, что научный интерес и духовная жизнь способны встретиться без предварительного соглашения о метафизике.

В исследовании Roland Griffiths и коллег, опубликованном в PLOS ONE в 2019 году, участвовали 4285 человек. Из них 809 описывали памятный опыт, истолкованный как встреча с Богом, высшей силой или предельной реальностью, без психоактивного вещества. Участники сообщали о связанных с этим опытом устойчивых положительных изменениях в смысле, жизненных целях и удовлетворённости жизнью. Но это ретроспективный интернет-опрос с самоотбором: рассказы нередко собирались спустя годы, репрезентативность неизвестна, воспоминания могли измениться. Он не устанавливает причинность и не доказывает метафизическую истинность опыта. Оригинальная статья и её ограничения.

Для нашего рассуждения достаточно более скромного вывода: некоторые люди связывают с такими переживаниями длительные изменения отношения к жизни. Это содержательный предмет исследования. Из него не следует, что духовность помогает всем, что перемена обязательно наступает после страдания или что научная помощь уступает религиозному опыту.

В обычном разговоре эти различия тоже имеют значение. Человек может сказать: после того события я стал внимательнее к близким. Это сообщение о своей жизни. Он может продолжить: значит, я получил послание от высшей силы. Это уже толкование. Наконец, он может решить, что такое послание определяет, как обязаны жить окружающие. Здесь появляется притязание на чужой выбор. Каждый переход требует собственных оснований.

Увидеть границы результата — значит дать ему подходящее место. Исследование не должно отвечать на вопрос, для которого его не проводили. Личное свидетельство не становится менее важным из-за того, что оно не является экспериментом. Внимание к этим границам сохраняет обе возможности: изучать человеческий опыт и обсуждать его значение, не подменяя одно другим.

VII. Когда измеримость сужает взгляд

Первый склон начинается там, где отсутствие удобного показателя принимают за отсутствие ценности. Научный метод сам по себе не требует этого вывода. Здесь речь об обыденном способе пользоваться измерениями: замечать только то, что удалось представить числом.

Представим, что два человека обсуждают отношения. Один спрашивает, сколько раз они ссорились, кто сколько потратил и как часто встречались. Эти сведения могут быть важны. Другой пытается объяснить, в какие моменты чувствовал себя услышанным, почему потерял доверие и чего теперь боится. Если разговор допускает только счёт, значительная часть ситуации останется за его пределами.

Можно попробовать измерить и доверие, и удовлетворённость отношениями. Однако полученная шкала всё равно потребует толкования: что именно спросили, как человек понял вопрос, какие обстоятельства остались неназванными. Число способно помочь разговору, но не освобождает от необходимости разобраться в его содержании. Точность записи ещё не гарантирует полноты картины.

Особенно заметно это в слове «только». Любовь — только химия. Совесть — только воспитание. Сочувствие — только выгодная стратегия. Даже если некоторое объяснение происхождения верно, оценка значения не возникает из него автоматически. Обещание имеет условия возникновения, но вопрос о его исполнении сохраняется. Поступок имеет причины, но его последствия для другого человека требуют внимания.

При этом физическое понимание человека вполне может сочетаться с ответственностью, смыслом и уважением к опыту. Было бы несправедливо заранее считать убеждённого материалиста человеком с бедной внутренней жизнью. Проблема не в названии

мировоззрения. Она возникает, когда принятое объяснение делает дальнейшее внимание излишним: будто всё важное уже известно до встречи с конкретной ситуацией.

Возвращение на гребень в таком случае начинается с простого расширения вопроса. После «каким механизмом это объясняется?» можно спросить «что это меняет для людей, которых касается?». Первый ответ сохраняет свою силу. Второй добавляет измерение ответственности и личного значения. Вместе они позволяют увидеть больше, чем каждый по отдельности.

VIII. Когда духовное объяснение закрывает проверку

Другой склон начинается там, где сила убеждения становится основанием не проверять его. Человек пережил нечто значительное и принимает предложенное объяснение за окончательное. Дальнейшее сомнение может казаться ему угрозой опоре, которую он наконец нашёл.

Но переживание и вывод из него остаются различными. Чувство связи с миром может быть важным лично. Утверждение, что конкретное событие было вызвано определённой невидимой силой, добавляет к этому опыту причинное объяснение. Если объяснение используется для решений о других людях, деньгах или обязательствах, возникает необходимость проверить сведения и последствия. Значимость момента не выполняет эту работу сама.

Представим, что человек воспринимает случайную встречу как знак и хочет изменить свою жизнь. Можно уважать его переживание и одновременно выяснить, что именно он собирается делать. Открыть разговор? Завершить проект? Отдать накопления незнакомому наставнику? Разные действия имеют разные условия и последствия. Одного общего слова «знак» недостаточно, чтобы оценить каждое из них.

Есть и более тихая форма перекоса: любое возражение объясняется недостаточной духовной зрелостью собеседника. Тогда собственная позиция оказывается защищена от обсуждения заранее. Человек слышит подтверждение своей правоты даже в несогласии. Но способность понимать других уменьшается, поскольку их слова больше не рассматриваются по существу.

Исторические духовные тексты содержат и иной акцент, чем поиск предельной интенсивности. Наставление «Бхагавадгиты» об умеренности в главе VI соотносит дисциплину практики с повседневным укладом. Для читателя это повод обратить внимание на то, как внутреннее стремление присутствует в обычном дне. Глава VI, версия Edwin Arnold.

Для нашего замысла важна возможность сохранить духовную опору вместе с правом уточнять её толкование. Пересмотр объяснения не обязательно уничтожает пережитое. Можно перестать считать встречу посланием и всё же помнить, что она помогла увидеть собственное желание. Можно изменить представление о мире, сохранив благодарность за момент, после которого жизнь стала восприниматься иначе.

IX. Равновесие не означает поровну

Баланс науки и духовности не требует отдавать каждой половину любого решения. Он предполагает различать, какой вопрос сейчас поставлен и какие основания подходят для ответа. Проверяемое утверждение, личное значение и положение веры не получают одинаковой доказательности только потому, что мы хотим примирить их.

В лекциях о мистицизме Уильям Джеймс рассматривал силу мистического опыта для пережившего его человека и отдельно ограничивал его авторитет для окружающих. Из значимости опыта для одного не возникает обязанность других некритически принимать его откровения. Его философское рассуждение помогает сохранить личную опору и самостоятельность собеседника одновременно. The Varieties of Religious Experience, 1902, лекции XVI–XVII.

Такое различение позволяет вести разговор без заранее назначенного победителя. Человек вправе сказать: это стало моей опорой. Другой вправе ответить: я понимаю значение этого для тебя, но не разделяю объяснение. Их общая задача, если она есть, состоит в том, чтобы найти способ действовать вместе при сохраняющемся различии убеждений.

Там, где требуется узнать внешние обстоятельства, внутренней уверенности недостаточно. Нужно читать документы, сравнивать свидетельства, уточнять условия. Там, где требуется понять собственное отношение к жизни, одни сведения могут оставить вопрос открытым. Тогда уместны размышление, разговор, искусство, тишина или религиозная практика — в зависимости от выбора человека. Один способ не обязан обслуживать все задачи.

Осторожность перед завершёнными словами можно сопоставить с началом «Дао дэ цзин». Это авторская связь с текстом о пределах именования Дао: полезно учиться у другой традиции вниманию, сохраняя точность того, что она говорит. «Дао дэ цзин», глава 1.

Равновесие также не исключает определённых убеждений. Можно верить, сомневаться, принимать материалистическое объяснение мира. Вопрос в том, сохраняется ли способность видеть границы своего знания и свободу другого человека. Чем серьёзнее

решение затрагивает общую жизнь, тем важнее сделать его основания доступными для обсуждения. Личная глубина не даёт особого права распоряжаться чужой судьбой.

X. Что видно с гребня холма

Гребень холма — образ места, откуда одновременно видны несколько сторон ландшафта. Мне он помогает говорить о широте внимания. Здесь рядом находятся способность исследовать устройство мира и способность переживать своё присутствие в нём. Ни одна не должна заранее объявлять другую бессмысленной.

В главе XV «Проблем философии» Бертран Рассел связывает ценность философского размышления с расширением возможностей мысли и ослаблением привычной догматической уверенности. Знакомые вещи могут открываться с непривычной стороны. Его светский аргумент добавляет ещё один путь к широте взгляда: вопрос способен обогатить внимание раньше, чем появится окончательный ответ. Рассел, The Problems of Philosophy.

Важная особенность гребня состоит в том, что по нему идут. Равновесие требуется заново при каждом изменении пути. Иногда человека увлекает желание объяснить всё и больше не чувствовать неопределённости. Иногда — желание принять всё, что обещает внутреннюю уверенность. Само замеченное смещение уже позволяет остановиться и рассмотреть, какая сторона исчезает из внимания.

Эта метафора не означает, что истина всегда находится посередине между двумя мнениями. В споре о факте одна сторона может быть права, другая — ошибаться. Компромисс не исправляет неверные сведения. Гребень обозначает способность видеть больше вопросов и отношений, а не привычку усреднять ответы независимо от их оснований.

Он также не делает нас выше тех, кто выбрал другой язык жизни. Человек с религиозной верой, скептик и светский философ могут иметь широкий взгляд; каждый может закрываться от неудобных вопросов. Ни одна самоидентификация не гарантирует панорамы. Для неё приходится сохранять внимание к тому, что не укладывается в любимое объяснение.

Если вернуться к условной кухне после утраты, пустое место за столом останется. Но в поле внимания могут появиться и другие вещи: человек, которому можно позвонить, память о совместной жизни, небольшое дело на сегодня. Знание помогает различить обстоятельства и доступные действия; внутренняя опора — увидеть, ради чего к ним возвращаться. Для кого-то она связана с верой, для кого-то — с заботой, красотой или чувством принадлежности. Панорама расширяется, когда в ней есть место и

действительности случившегося, и возможности продолжения. С гребня виден путь, хотя пройти его всё равно предстоит самому.

Что это значит на практике

Для применения этой мысли не требуется выбирать новое мировоззрение. Можно начать с одной ситуации, в которой вам трудно одновременно учитывать сведения и собственное переживание. Лучше взять посильный эпизод: разговор, решение о занятии, встречу, после которой осталось сильное впечатление. Тяжёлый опыт не обязан становиться материалом для упражнения.

Сначала попробуйте коротко записать, что вам известно. Например: человек не ответил на сообщение два дня; разговор закончился определёнными словами; предлагаемая работа имеет такие-то условия. Здесь полезно отделить наблюдение от объяснения. «Мне не ответили» и «меня намеренно отвергают» — разные записи. Для второй нужны дополнительные основания, а пока могут существовать другие объяснения.

Затем назовите переживание настолько точно, насколько получается. Это может быть тревога, обида, облегчение, чувство связи, благодарность или смешанное состояние. Необязательно сразу объяснять, почему оно возникло. Можно заметить, что в ситуации оказалось значимым: ожидание внимания, страх потери, желание самостоятельности, возможность быть полезным. Такое описание помогает услышать себя, сохраняя вопрос о внешних обстоятельствах открытым.

Третья запись — ваше толкование и его граница. Если встреча кажется знаком, что именно вы вкладываете в это слово? Если состояние кажется только телесной реакцией, не пропускаете ли вы при этом важное отношение или обещание? Можно спросить себя, какие сведения способны изменить объяснение. Если никакие, стоит заметить, что сейчас оно выражает убеждение, а не проверяемую гипотезу.

После этого выберите небольшой следующий шаг, если он нужен. Уточнить условия предложения. Спросить собеседника, как он понял разговор. Вернуться к любимому тексту. Выделить время на спокойное размышление. Для верующего человека это может быть молитва; для другого — прогулка, искусство или беседа. Важно понимать, какой вопрос обслуживает действие и какие его последствия можно увидеть.

Наконец, через некоторое время вернитесь к записи. Что прояснилось? Что вы теперь чувствуете? Как изменилось первоначальное толкование? Устойчивость внутренней опоры можно обсуждать через её место в жизни: помогает ли она внимательнее относиться к обстоятельствам и людям, допускает ли уточнение, сохраняет ли вашу свободу выбора. Это вопросы для размышления, а не шкала духовной зрелости.

Можно остановиться на любом этапе. Не каждое переживание требуется превращать в проект изменения, и не каждому вопросу нужен немедленный ответ. Иногда достаточно признать одновременно две вещи: я ещё не знаю, как это объяснить, и это имеет для меня значение. Такой ответ оставляет открытой возможность дальнейшего исследования. С него тоже можно продолжить путь по гребню.

Ключевая цитата

> *«Разум работал, но работало и еще что-то другое, что я не могу назвать иначе, как сознанием жизни».*

Л. Н. Толстой, «Исповедь», глава VIII, ПСС, том 23. В контексте Толстой описывает силу, которая направила его внимание к прежде неучтённой жизни других людей и изменила ход размышления. Первоисточник.

Связи между традициями

Эта карта показывает сопоставления, используемые в статье. Сходство обозначает близость определённого вопроса или приёма внимания. Оно не устанавливает общего происхождения, единой метафизики или научного подтверждения религиозного учения.

Вопрос	Сопоставление	Связь и её граница
Как описывать мир	Галилей и Вигнер ↔ начало «Дао дэ цзин»	Первые обсуждают математическое познание природы; второе — пределы именования Дао. Авторская связь касается осторожности перед полнотой описания; предметы и основания различны.
Как учитывать внутренний опыт	Исследование Nummenmaa и коллег ↔ Августин, «Исповедь», книга X	В обоих случаях внутреннее состояние заслуживает внимания. Научный самоотчёт о телесных ощущениях и христианский поиск Бога имеют разные задачи и способы обоснования.
Что делает опыт убедительным	Опрос Griffiths и коллег ↔ Джеймс о мистицизме	Можно исследовать сообщаемые последствия опыта и обсуждать его личную силу. Ни самоотчёт, ни личная убеждённость не создают обязанности окружающих принять метафизическое объяснение.

Вопрос	Сопоставление	Связь и её граница
Как перемена входит в жизнь	Толстой, «Исповедь» ↔ умеренность в «Бхагавадгите», глава VI	Авторская связь — внимание к обычной жизни после внутреннего поворота. Автобиографическое свидетельство и наставление о йоге не описывают один механизм и не обещают одинакового результата.
Как сохранять открытость	Рассел о ценности философии ↔ «Дао дэ цзин», глава 1	Возможна связь через внимание к пределам привычной уверенности. Светское философское сомнение и рассуждение о Дао сохраняют разные основания.
Как жить с различиями	Джеймс о границе авторитета опыта ↔ авторский образ гребня	Уважение к переживанию совместимо с самостоятельным суждением. Гребень — наша метафора широты внимания, а не учение Джеймса или доказанная модель сознания.

Первоисточники и исследования

1. Галилео Галилей. Il Saggiatore, §6, 1623. Итальянский первичный текст; источник эпиграфа и образа математического чтения природы.

2. Eugene P. Wigner. The Unreasonable Effectiveness of Mathematics in the Natural Sciences, 1960. Communications on Pure and Applied Mathematics, 13, 1–14. Оригинальная публикация; использовано рассуждение о применимости математики в физике.

3. Lauri Nummenmaa, Enrico Glerean, Riitta Hari, Jari K. Hietanen. Bodily maps of emotions, 2014. PNAS, 111(2), 646–651; онлайн 30 декабря 2013 года. Самоотчёты о телесных ощущениях, их метод и границы.

4. Л. Н. Толстой. «Исповедь», ПСС, том 23. Использованы главы VIII и XII. Личное свидетельство о поиске смысла и постепенной перемене.

5. Roland R. Griffiths и коллеги. Survey of subjective “God encounter experiences”, 2019. PLOS ONE, 14(4), e0214377. Использованы результаты группы без психоактивного вещества, дизайн и ограничения опроса.

6. William James. The Varieties of Religious Experience, 1902. Цифровая версия издания Longmans, Green and Co., 1917. Лекции XVI–XVII, заключительное рассуждение о границах авторитета мистического опыта.

7. Августин. Confessions, книга X, перевод E. B. Pusey. Рассуждение о памяти и внутреннем поиске в христианском контексте.

8. Бхагавадгита. The Song Celestial, версия Edwin Arnold. Историческая стихотворная английская версия, показанное издание 1900 года; глава VI, фрагмент, соответствующий стихам 6.16–17. Использован пересказ, не прямая цитата.

9. Лао-цзы. The Tao Teh King, перевод James Legge. Глава 1. Пределы именования Дао; использован пересказ исторического перевода.

10. Bertrand Russell. The Problems of Philosophy, 1912. Глава XV «The Value of Philosophy». Открытость философского размышления и границы привычной уверенности.

Теги

наука, духовность, математика, научный метод, эмпирические данные, личный опыт, смысл жизни, внутреннее равновесие, мировоззрение, философия, религиозный опыт, мистицизм, эмоции, телесные ощущения, самоотчёт, причинность, свидетельство, вера, сомнение, свобода выбора, духовная дисциплина, умеренность, пределы языка, самопознание, Галилей, Вигнер, Уильям Джеймс, Лев Толстой, Августин, Бхагавадгита, Дао дэ цзин, Бертран Рассел

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.